ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

SEMANARIO
"NUESTRO PAIS"
Organo Monárquico Ruso

Correo Argentino Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO IV Buenos Aires, sábado, 30 de agosto de 1952 • Буэнос Айрес, суббота, 30 августа 1952 г. № 137

Полк. С.

Спрашиваю...

И. Л. Солоневич упрекнул меня в том, что я — "все больше и больше склоняюсь к чисто и узко профессиональному подходу к грядущей войне". Со всею своею скромностью — соглашаюсь. Но если бы я был священник, я бы писал о морали, о религии. Если я был бы доктор, я писал бы о нервах ,о психологии. Если бы я был профессор, я писал бы о политической экономии и пр. Но я офицер, бывший, конечно. И могу писать только по своей специальности — о войне холодным, огнестрельным оружием, во всех ее видах и вариациях, включая и атомные бомбы и газы и др. орудия истребления. Я не могу писать о войне моральной, религиозной, пропагандной, психологической, экономической и пр., т. к. для этого у меня нет ни знания, ни опыта и я не стыжусь в этом сознаться, иначе, если бы я пытался это делать, то это было бы покушением с негодными средствами, или диллетантизм. Не знаю, что хуже.

Военное образование (академия ген. шт.) и небольшой опыт (активное участие в трех войнах) дают мне если не право, то возможность писать свои, может быть, и не всегда правильные соображения о войне в узко профессиональном направлении, постолько, посколько это возможно, не затрагивая других видов таковой. Тот у кого больше опыта и знания, пусть пишет о том, как и каким способом надо воевать с советским коммунизмом и как избавить Россию от шайки интернациональных криминалистов, засевших в Кремле. Но, к моему глубокому сожалению, в той части зарубежной печати, которая за долгие годы эмиграции прошла через мои руки, я не нашел более или менее практического ответа на этот вопрос, за исключением, пожалуй, одного, напечатанного в "Н. Ст." под заглавием — "Война в 3 месяца". Автор — И. Л. Солоневич. Остальная печать пишет приблизительно так: "вот, когда советская власть будет сброшена, тогда мы и т. д." Но как это сделать — ответа нет. Не пытаюсь сделать это и я, т. к. кроме войны, в узком значении этого слова, другого способа не знаю. Поэтому я только стараюсь в "Н. Ст." и других газетах обрисовать более или менее точную картину военного положения двух противников — США и Советской России с чисто военной точки зрения, что я и подчеркиваю чуть ли не в каждой статье.

Война — жестокая вещь. И какими бы красивыми словами и лозунгами она не прикрывалась и какими бы целями она не оправдывалась, война, будем называть вещи их собственными именами, это — насилие, разрушение, грабеж и убийство. И каким бы ореолом славы не окружали победителей, позади них тянется кровавый след искалеченных, умирающих в агонии и убитых жертв человеческой ненависти, злобы и фанатизма. Картина жуткая. Но может ли человечество обойтись без войны? Я думаю, ответ будет один — нет. По крайней мере в наш век. А если нет, то хочешь или не хочешь, нравится или не нравится — готовься, вооружайся, изыскивай все способы, все средства истребления противника или погибай. Другого выхода нет. И если я пишу только в рамках "своей узкой профессии", как говорит И. Л., то другим, умнее меня, я предоставляю находить и способы и методы войны с коммунизмом, мне неизвестные.

19 веков тому назад в Рим пришли из Палестины несколько бедно и плохо одетых людей и стали проповедывать какую-то странную религию — любить своего ближнего, прощать своим врагам, молиться за них и т. под. Над ними сначала смеялись, потом их жгли, топили, отдавали на растерзание диким зверям и истребляли всеми способами, какие только могла придумать человеческая фантазия. Через несколько сот лет от Великой Римской Империи остались только полуразрушенные стены Колизея, на арене которого когда-то умирали вот эти странные люди, прославляя какого-то Христа, распятого по приказу одного из римских граждан.

Я не говорю, что христианство было одною из причин падения Римской империи. Но Христианство с его смирением, терпением, всепрощением и непротивлением злу в те грубые времена убило энергию, выпустило, так сказать, весь пар, скопляемый веками, ослабило силу сопротивления государства и империя пала под ударами своих врагов, диких, жестоких, признающих только одно право, которое они носили на конце меча — силу.

Я знаю, что за это встречу жестокую критику. Но я пишу это вовсе не для обвинения или оправдания Христианства и не для

(Продолжение на 2-ой стр.).

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Отвечаю...

Мы с полк. С. от времени до времени перекликаемся дружественной дискуссией, которая, может быть, все-таки что-то выясняет. Сейчас мы подходим к порогу Третьей Мировой, — неизбежность которой, наконец, признало даже и "Возрождение", и наша с полк. С. дискуссия практически оказывается вовсе не такой уж бесполезной, как это может показаться с первого взгляда: некие круги в САСШ— никакого сочувствия к "Нашей Стране", повидимому ,не питающие, — все-таки, "изучают" наши мысли о будущей войне. Очень вероятно, что вся сумма этих мыслей как-то скажется в вопросах будущей стратегии. Полк. С. обвиняет меня в упреке ему, полк. С., в его "узко и чисто профессиональном подходе к грядущей войне". Это обвинение я хотел бы и повторить и объяснить.

Полк. С. — артиллерист. Если бы он только командовал батареей и никаких мыслей по этому поводу не обнаруживал бы — говорить было бы не о чем: но полк. С. пишет о войне, говорит о войне, причем и то и другое в какой-то степени учитывается и **американцами. Думая** о войне — хотя бы в ее узко-артиллерийской плоскости, — можно сказать так: я учитываю силу союзной и советской артиллерии — количество, калибр и подвижность орудий и прочее в этом роде, и на основании этого учета я математически могу сказать, что союзная (или советская) артиллерия победит, потому что она **сильнее.** Это вот и будет то, что я называю "узко профессиональным подходом": **несколько более широкий** подход требует учета мощности металлургической промышленности, ибо какой толк в батареях, если для них не хватит снарядов? Подымаясь еще выше батарейного уровня, мы обязаны учесть и политические, и идеологические, и психологические факторы войны. Полк. С. признает, что Гитлер вел войну не против коммунизма, а против русского народа — потому и проиграл борьбу. А несколькими строчками выше пишет: "в Третьей Мировой американский солдат, **человек,** будет драться против коммуниста". Но так как в Крас-

(Продолжение на 2-ой стр.).

HOMENAJE POSTUMO A EVA PERON

Fué la del 26 de agosto una noche memorable en la historia de la ciudad multitudinaria. El funeral cívico realizado por las fuerzas obreras agrupadas en la Confederación General del Trabajo, en homenaje a la memoria de Eva Perón, Jefa Espiritual de la Nación y Mártir del Trabajo, sólo puede calificarse, por su majestad, la solemne emoción contenida de la muchedumbre y su recogido silencio, como una asamblea popular extraordinaria.

Su recuerdo perdurará en cuantos tuvieron ocasión de participar en ella, transido el corazón por el gran dolor que se evocaba y por la grandeza de la figura de Eva Perón, revivida en el recuerdo de un pueblo agradecido.

En medio de silencio impresionante de millares y millares de obreros y obreras que llegaron al espacioso ámbito de la Plaza de la República, resonó el clarín que anunciaba la hora precisa en que, hace un mes, rindió su vida la Abanderada de los Trabajadores, luego de dedicar cada minuto de su existencia a la reivindicación del hombre, al bienestar de los humildes y al engrandecimiento de la patria común. Y apagados los ecos de la voz de bronce, el pueblo entero depuso su devoción a los pies de la imagen sublime de la mujer que dió en vida el más alto ejemplo de generosidad y de renunciamiento y legó a la República, con su muerte, un símbolo permanente de fe y de amor, y una alta consigna que servirá para guíar a la ciudadanía en áspera y constante lucha por la consecución de su destino.

В номере:

Полк. С.
СПРАШИВАЮ...

Иван Солоневич
ОТВЕЧАЮ...

Борис Башилов
ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Лидия Норд
РУССКИЙ ПУТЬ

Василий Ржевский
АВОСЬКА КОРЯКОВ

Juan Solonewitsch
TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

Глеб Томилин
ДВЕ СИЛЫ

Полк. С.

Спрашиваю...

(Продолжение. Нач. на 1-ой стр.)

выяснения причин падения Римской империи. Цель моя проще — я хочу провести аналогию.

19 веков после рождения Христа в запломбированном вагоне приехала в Россию кучка странных людей, фанатиков, которая стала проповедывать какую-то новую религию, религию ненависти, злобы и разрушения. Казалось бы чего проще — довезти их до первой станции и всех перевешать, т. е. пустить в ход самое разумное — силу. еН было бы, может быть, ни Октября, ни других "завоеваний". Этого не было сделано. Пробовали их уговаривать, потом бороться с ними легальными средствами, потом оружием. Через два года Великой России не стало. Ее заменили четыре буквы. А через 33 года эта новая религия ненависти охватила чуть ли не половину мира и грозит утопить в крови вторую половину—мягкотелых, не приспособленных к новой жизни, не способных бороться обломков старого уходящего мира.

Что же мы, представители этого старого мира, со всеми его устаревшими традициями, с привычными понятиями долга, чести, морали, можем противопоставить этой новой религии звериной злобы, лозунг которой — "сарынь на кичку" и для которой любая подлость, любое преступление — добродетель возведенная в догму? Я думаю только одно — силу.

С незапамятных времен человек всегда вел и ведет непрерывную борьбу, сначала с природой, потом с дикими зверями и позднее с себе подобными. Эта борьба за право жить и дышать проходит красною нитью через всю историю человечества. Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Но только одно — это борьба, борьба за существование, которая является единственным стимулом неустанного труда человека, остается неизменной. Была, есть и будет. И в этой борьбе выживает только сильнейший. И опять-таки мы упираемся в одно — силу. Другого способа борьбы я не вижу.

Если для победы проповеди любви и всепрощения потребовалось несколько сот лет для того, чтобы захватить полмира, то для новой религии ненависти и мести потребовалось только три десятка лет. Потому что голодные массы Азии, Африки и даже Европы гораздо легче поднять на "грабь награбленное", нежели на — "если у тебя попросят верхнюю одежду, отдай ему и рубашку и если тебя ударят по правой щеке, подставь ему и левую". Массы, толпа, тупая невежественная, неудержимая в проявлении своих животных инстинктов остается всегда, во все времена, одинакова. И как во времена Цезаря толпа требовала "хлеба и зрелищ", так и теперь она вопит — "хлеба и крови". Крови тех, кто в том или ином отношении (умственном, физическом, моральном, материальном) выше этой толпы, а посему и не приемлем для таковой.

Я вспоминаю один из эпизодов из моей жизни, иллюстрирующий сказанное. Это было до моего бегства из советского рая, в первые годы революции, почти сейчас же после крушения белой армии. Я работал тогда с одним из моих сослуживцев капитаном Р. в небольшой артели по разгрузке с баржи дров. В давно небритых, грязных двух оборванцах никто не мог бы признать офицеров императорской армии. Но у моего приятеля сохранилась привычка интеллигента перед едой, во время перерыва работы, мыть руки. Моет руки — значит буржуй. Обыскали. Нашли фотографическую карточку пропавшей без вести жены, на которой он был снят вместе с ней в офицерской форме. Эту фотографию мой приятель носил при себе в каком-то внутреннем кармане одежды, т. к. боялся оставить в комнате, где жил (найдут случайно), и не хотел в силу сантиментальности уничтожить ее. "А, офицер, контра, враг народа", заревела толпа, "бей его". Били поленьями. Но потом даже пожалели. По крайней мере один из артели заметил — а кажись, зря убили, добрый был, папиросами угощал.

И еще раз повторяю: толпа, главная опора коммунизма, безразлично какой национальности, всегда и везде одинакова. И эта толпа признает только одно — силу.

Иван Лукьянович пишет о страхе полк. С. перед нервным газом и пр. и как пример приводит Вторую Мировую, в которой ни газы, ни бактерии не были применены вовсе. Если вопрос идет о личном страхе, то какой уж там страх. Вследствие тяжелой болезни и бесконечных операций я сейчас стою на грани перехода в небытие — естественного закона природы и, конечно, ни о каком страхе не может быть даже и речи. А относительно возможности применения коммунистами в Третьей войне и газов, и бактерий, и ядов, и "всего такого прочего", то не надо упускать из вида одного. Во II-й войне американский народ, английский и французский воевали против народа немецкого и японского. И с той и с другой стороны дрались **люди** и плохие и хорошие, но в общем соблюдавшие законы Женевской конвенции и традиции и принципы человечности. Но в Третьей войне американский солдат, **человек** будет драться против коммуниста, а это уже совсем другое дело.

Ну а теперь, заканчивая свою статью, я спрашиваю — какие же конкретные формы и методы борьбы против коммунизма следует применять и что надо сделать, чтобы остановить дальнейшее его распространение?

Вот м-р Труман и м-р Эчисон семь лет пытаются найти эти методы и ничего не выходит. А уж в их распоряжении абсолютно все средства и все рессурсы антикоммунистического мира. Единственный метод, который ими не был применен — это пустить в ход силу. Мне скажут — Гитлер это испробовал. Но Гитлер испробовал не силу, а насилие и вел борьбу не против коммунизма, а против русского народа.

Буду надеяться, что после ноябрьских выборов другие люди поведут другую борьбу и другими методами, если только Сталин не захочет ускорить события и не устроит американцам до ноября вторую "Жемчужную Гавань".

Полк. С.

Иван Солоневич

Отвечаю...

(Продолжение. Нач. на 1-ой стр.)

ной армии коммунисты составляют только около трех-пяти процентов, то это означает, что американский ч е л о в е к будет, драться против русского унтерменша. И по всей вероятности разделит судьбу Гитлера.

Полк. С. профессионально суживает понятие силы. С первых же дней моей эмигрантской деятельности и по сей день, я все время утверждал и утверждаю: что без войны, то есть без применения с и л ы , советскую власть ликвидировать нельзя, — по крайней мере на исторически обозримом отрезке времени. Но вот тут-то и наступает разница "узости" и "неузости". Понятие "силы" полк. С. ограничивает чисто физической силой — включая в эту физику и ,скажем, даже и металлургический фактор. Но совершенно упуская **моральный** фактор, который, если верить и Суворову, и Клаузевицу, и даже Айзенхаэру, является **решающим** фактором войны.

Я стою за применение с и л ы, включая, однако, в это понятие также и **моральную** силу. За последние годы САСШ накопили очень большую **материальную** силу. И растратили свои **основные** моральные возможности. Что перевесит в войне?

Полк. С. — пессимист. Его взгляды на "толпу" очень пессимистичны. С ними я не согласен никак: никто в России, да и не только в России, не требовал "крови тех, кто в том или ином отношении, — умственном, физическом, материальном или моральном" стоит выше этой толпы и не приемлем для таковой. Я что-то ничего не слыхал о том, чтобы кто бы то ни было, хотя бы в той же России, требовал крови Л. Толстого или Д. Менделеева, и — как выясняется из исследований С. Мельгунова, никто, даже и после Февраля, не требовал крови Династии. Даже и Совдеп тогдашнего, Первого, созыва. "Толпа" этого типа живет только в воображении полк. С. И только в его воображении "толпа есть главная опора коммунизма" — главной опорой коммунизма является **организация,** заковавшая в стальные и сталинские цепи "толпу". Толпа же настроена п р о т и в коммунизма.

Но, конечно, если итти в Россию, имея на вооружении американского "человека", атомные бомбы и прочие типы "секретного оружия" — "Geheimwaffe", то тогда судьба гитлеровской Германии почти неизбежна.

Полк. С. ссылается на мою статью о "Третьей Мировой в три месяца", как на "пожалуй единственный ответ" на вопрос о будущей войне. К сожалению, если статья и была "единственным ответом" в печати, то ответы о самой войне могут быть весьма разнообразны. В моей статье я предусматривал **лучший** для данного времени вариант. Теперь, по всем данным, начинают вступать в силу х у д ш и е варианты. За всякими дипломатическими вывертами всяких дипломатов все-таки как-то просачивается вопрос о борьбе с Р о с с и е й, то есть о повторении политики Гитлера, — только при неизмеримо **худших** объективных условиях для успеха этой политики. И все то, что говорит то ли о "морлоках", то ли о "толпе", то ли об атомной бомбе, сметающей русские города, то ли о нервных газах, отравляющих "население территорий Советского Союза" — все это **аннулирует** любые "узко профессиональные" точки зрения.

Кровавый инцидент, описываемый полк. С. м о г быть. Но — простите — мог и не быть. Я тоже работал грузчиком в одесском порту. С той же "шпаной", в руки которой полк. С. вкладывает убийственные поленья. Вид у меня — простите — интеллигентный, хотя бы из-за одних очков. О том, как выручала меня эта "шпана", я уже писал и в "России в Концлагере" и в своих очерках и во многих других местах. Я знал **сотни** случаев, когда представители "толпы", рискуя собственной жизнью или, по крайней мере, свободой, выручали и офицеров, и белых вообще, интеллигенцию в особенности. Меня **лично** выручили раз не менее десяти. Но, конечно, как и в нашем случае с Германией или Америкой — необходима некоторая взаимность: если Гитлер рассматривал русский народ, как "унтерменшей", а полк. С. склоняется, — все таки склоняется, — к квалификации его, как жаждущей крови толпы, — то тогда не удивительны и поленья. Говоря иначе и проще: имея на вооружении только **физическую** силу — огневую силу батарей или нервных газов, войну с СССР затевать **не стоит:** она будет **проиграна.** А все то, что говорит о кровожадной русской толпе, жаждущей крови Толстого или капитана Р. — все это ведет к **поражению.**

"Толпы", жаждущей крови всего выше ее стоящего, я до сих пор в своей жизни **не видел.** С гораздо большим правом можно было утверждать как раз обратное: "толпа" ищет "героев", ищет примеров и водительства. Ищет — и **не находит.** Потом

герои оказываются какими-то суррогатами, как только что оказался не только Гитлер, но и Рузвельт, потом оказывается, что верить некому, что итти не за кем, и что над туманным морем героев и прочего такого начинает неугасимым светом светить образ Императора Николая Александровича, человека, который был... ну, просто... царем... И если бы "толпа" была так уж кровожадна, то зачем было большевикам в течение стольких лет тщательно скрывать убийство в подвале Ипатьевского дома?

В полковнике С., конечно, говорит "узко профессиональная точка зрения", а за тридцать лет изгнания было бы не так уж и трудно оценить морально-политические факторы победы большевиков и над белыми армиями и над немецкими армиями. Боюсь также, что в полк. С. говорит еще и профессиональная **обида,** — обида слоя, касты, профессии, пытающихся переложить ответственность со своих плеч на чьи попало другие — на плечи "толпы", Керенского, Адлера, темных сил, разнузданной солдатчины и т. п. Значительная часть нашей эмиграции занимается той отраслью животноводства, которая не предусмотрена никакими сельско-хозяйственными академиями: разведением козлов отпущения. Эта отрасль требует и чрезвычайного самоограничения в смысле отказа от каких бы то ни было фактов, информации, книг, и размышлений. Так создаются галлюцинации. И так галлюцинации приводят к провалу.

Грядущая **неизбежная** война будет носить главным образом — но, конечно, не исключительно — морально-политический характер. Настроят ли САСШ или не настроят еще тысячу или две тысячи бомбовозов Б—36 — это не имеет никакого значения, — такие же бомбовозы будут строить и большевики. Выдумают ли САСШ нервный газ или не выдумают — это тоже не имеет **никакого** значения: большевики все равно сопрут все эти изобретения, а, как я полагаю, нервная система граждан САСШ несколько более изысканна, чем населения СССР. Первые этапы будущей войны были разыграны в Фюссене и в Висбадене и они у ж е проиграны. И мне, и читателям "Нашей Страны" было очень интересно получить информацию полк. С. о "грядущих выборах в САСШ". Однако, я боюсь, что ни я, ни читатели "Нашей Страны", ни полк. С., ни даже американская печать не имеет **никакого** понятия, что именно в области грядущей войны принесет с собою Тафт или Айзенхаэр, Стивенсон или Труман: **никакого понятия.** Если судить по американской прессе, то американский избиратель стоит перед целым рядом "загадок", не зная, в какую именно загадку ему следует ткнуть пальцем. Но очень можно опасаться, что ген. Айзенхауэр станет на "узко профессиональную точку зрения" и войну **проиграет.** Но, может быть, и нет. Этого, кажется, не знает **никто.**

***

Таким образом, если свести наши с полк. С. разногласия к некоему очень общему знаменателю, то он будет сводиться к следующему.

Полк. С., как и очень большое количество людей, одинакового с ним склада мышления винят в русских несчастиях — "разнузданную солдатчину", "толпу", "массу", мужиков, которые грабили имения и резали породистых коней, рабочих, которые убивали офицеров поленьями,— вообще "плебс" и "чернь" во всем их разнообразии. Но не с а м и х с е б я.

Самые позднейшие исторические исследования, которые я частью уже приводил, частью еще приведу, — например, блестящую книгу А. Тырковой-Вильямс — мои личные наблюдения, почти совершенно точно совпадающие с данными И. Якобия и С. Ольденбурга, С. Мельгунова и прочих, приводят к тому выводу, что в русских несчастиях виновны русские верхи и исключительно они. Что "плебс" держал себя исключительно человечно, — принимая, конечно, во внимание обстановку развала государственности и гражданской войны. И что моральные ценности России хранят, главным образом, ее н и з ы. Это, впрочем, старая истина, констатированная, в частности, и И. Тургеневым, с его мужичком, до которого "Ротшильду далеко".

Точка зрения полк. С. обрастает целым рядом **галлюцинаций.** Все они имеют совершенно определенную психологическую цель. Вот по той же А. Тырковой "мужик верил в Бога и Царя", а князья Догоруковы и прочие отвергали Бога и свергали Царя. И, свергнув, оказались **неспособными** создать хоть что-либо. Точно также оказались **неспособными** правительства белых армий. Эта неспособность **неисцелима.** Но вместо того, чтобы ее честно признать, люди ссылаются на нечистую силу во всем ее разнообразии.

Случай с поленьями, рассказанный полк. С., мог бы и не быть — о таких случаях я за все мое пребывание под советской властью **не слыхал ни разу**. Не только не видал, не сталкивался, но даже и не **слыхал.** В той форме, в какой этот случай передан полковн. С. — мне он кажется **совершенно невероятным.** Очень может быть, что полк. С. опустил кое-какие детали, которые могли бы хотя бы что-то объяснить: в данной форме он просто необъясним. Само собою разумеется, что среди 190 миллионов низов был и остается какой-то процент преступного элемента, как некий процент его имеется в среде пяти миллионов "верхов". Вот только что в "Нашей Стране" г.

ления княжеской власти (? И. С.) и стал в стороне от княжеских усобиц и половецких разбоев, не испытал непосредственного гнета и страха татарского, в глаза не видал ордынского баскака, был экономическим и политическим центром огромной области, рано вступил в деятельные торговые сношения с европейским западом, был несколько веков торговым посредником между этим Западом и азиатским Востоком... Нигде в древней Руси не соединялось столько материальных и духовных средств"...

И, вот, ничего не вышло. Освобожденные "от давления княжеской власти" массы за Новгородом итти не хотели:

> "Псков, — пишет Ключевский, — уже в XIV веке добился полной политической независимости. Вятка с самых первых шагов своей жизни стала в независимое отношение к метрополии... Двинская земля также не раз пыталась оторваться от Новгорода. В минуту последней решительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псков и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки, или даже послали свои полки **против него** на **помощь Москве".**

Значит, "в минуту последней решительной борьбы" не только новгородские пригороды не захотели помогать своей метрополии — не захотело помогать и собственное низовое население Господина Великого Новгорода. Все культурные, географические, торговые, и прочие м а т е р и а л ь н ы е предпосылки новгородского могущества не дали ничего. И выиграла нищая Москва. Почему? Можно было бы сказать, что именно потому, что Новгород "освободился от давления княжеской власти", что "классовой борьбе" был дан полный простор, что, как пишет новгородский летописец, "все люди проклинали старейшин наших и город наш". Но это было бы поверхностным объяснени-

Еще не оправившись от оглушительного Батыева удара, Русь снова берется за свою старую линию: начинает сызнова отстраивать свое снова разрушенное государственное единство и ищет для этого подходящий центр. Таким центром на этот раз оказалась Москва.

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ.

"Причины возвышения Москвы" занимают весьма видное место во всех курсах русской истории и ставят наших историков несколько в тупик. Почему, в самом деле, только что разгромленная татарским нашествием страна, опережая всех своих западно-европейских современников, так быстро востанавливает свое национально-государственное единство, и почему центром этого единства оказывается именно Москва — самый захудалый из всех тогдашних уделов?

Ответы, конечно, даются самые разнообразные. Самый толковый из них принадлежит проф. Випперу: "У нас по вопросу о жизни нации ничего не сделано, я бы сказал **ничего не начато...** Мы, ведь, никогда не занимались исследованием относящихся сюда вопросов... Наши диалектические, платоновские и другие методы, которыми мы до сих пор орудовали — богословская схоластика и больше ничего" ("Круговорот Истории", стр. 64 и 75).

Из общего уровня наших историков проф. Виппер выделяется своей откровенностью: "наши методы — схоластика и больше ничего". Другие историки менее откровенны, в особенности марксистские, которые, кроме, как "схоластики" — гроша медного за душой не имеют.

Разбор исторических объяснений причин возвышения Москвы, я начну с марксистских: более глупого в мировой историографии нет ничего.

Пережевывая в тысячный раз "положения классиков марксизма", советские исторические курсы всячески подчеркивают "материальную базу" объединения Руси. По Марксу — объединительные тенденции, вы-

Н. Ликов описывает свои впечатления о русских низах, прошедших треть века большевистскую учебу: даже и эти треть века не смогли переделать основных моральных установок русских масс. Но, конечно, среди двенадцатимиллионной армии 1917 года был какой-то процент морально неблаговидных дядей. Был также какой-то процент морально неблаговидных дядей и в среде трехсоттысячного офицерства. С 1917 года эти дяди и начали "сводить счеты". Но это не есть и ни масса, и ни толпа.

Разговоры о поленьях, разнузданной солдатчине, обнаглевшем мужичье и прочем таком в том же стиле, имеют совершенно **практическое** значение: нужно, де, взять в руки атомную бомбу и навести на эту сволочь хоть какой-то порядок. Эта "профессионально узкая" система была испробована раз десять — и все десять раз с совершенно одинаковым результатом. Стоит ли пробовать в одиннадцатый?

Я бы был очень рад, если бы моя интерпретация высказываний полк. С. оказалась неверной. Но, к сожалению, и в устной, и в письменной, и в печатной, и даже в непечатной форме я слышу ее вот уже семнадцать лет эмиграции: ах, какие М Ы были замечательные и, ах, какой сволочью оказались низы.

Я же стою на почти диаметрально противоположной точке зрения. **Иван Солоневич.**

Б. Башилов

Прошлое и будущее

Я хочу высказать свою затаенную мысль — Россия, национальная Россия воспрянет только тогда, когда у новой русской интеллигенции, и у среднего человека из народа, будет правильное отношение к своему национальному прошлому. Когда антикоммунисты выйдут из-под власти мифов, созданных революционерами — предтечами большевиков. Нет, конечно, нужды смотреть на декабристов, Белинского, Чернышевского, глазами людей, везде и во всем видящих происки "жидомасонов", но нельзя и смотреть на прошлое, на существовавшую в России национальную форму власти, глазами разрушителей этой власти, людей сознательно и бессознательно искажавших и исказивших национальное прошлое.

Наши задачи — задачи русских националистов, очистить русское прошлое от революционной клеветы и взглянуть на него глазами Пушкина, Гоголя, Хомякова, Достоевского, Лескова и других русских людей **первого ранга.** Когда большинство взглянет так, мы увидим прошлое, которым мы можем гордиться.

Тогда мы в прошлом, по новому, по Пушкински понятом, приобретем твердый фундамент для строительства послебольшевистской России. Только это даст возможность построить русскую монархию на новых социальных основаниях, приняв во внимание кровавый опыт большевизма и все происшедшие при нем перемены в психологии и жизни народа.

У нас, людей сегодняшней России, ведь несколько иная иерархия ценностей, чем у людей, сваливающих всю вину за крушение Российской Империи на жидо-масонов. Для нас важна не политическая форма как таковая, как самоцель, а содержание этой политической формы. Самая высшая ценность для нас это религия предков — православие. Одни понимают это, другие не понимают, но чувствуют это инстинктивно. Вот в чем разгадка любопытнейшего явления — пренебрежительного отношения людей, формально атеистов или нейтрально относящихся к религии, к людям, перешедшим в католичество или ставших сектантами.

Я долго не понимал причины этого замечательного явления. Спрашивается, какое основание имеет бывший комсомолец, не пришедший еще к религии, полупрезрительно относиться к сектанту. Понял я только тогда, когда в моем присутствии произошел разговор между двумя бывшими комсомольцами.

Один из комсомольцев, в прошлом лейтенант Красной армии, весьма нравственный человек, стал убежденным баптистом. Сейчас он является виднейшим проповедником в баптистских общинах Буэнос Айреса.

Второй комсомолец в момент спора был еще нейтрален к религии.

Однажды, второй комсомолец, — дело было на заводе, в обеденный перерыв, — спрашивает шутливо первого:

—Зачем же ты это, Мишка, баптистом стал? Неужели из-за ботинок да из-за костюма, который тебе баптисты дали.

—Да ерунда это. Ботинки, правда, дали, но только я баптистом не из-за них стал.

—Ну, так тогда еще хуже.

—Почему же это хуже? — удивленно спросил баптист. — Баптист я или духобор, а я в Бога верю, а ты ни так, ни сяк не веришь.

Тогда оппонент баптиста сказал ему:

—Да, я сейчас не верю. А завтра, может быть, стану верить. Но уж если я буду верить, то буду верить, как мой отец и дед верили. Как вся Россия тысячу лет.

И, действительно, сейчас этот комсомолец тоже верит в Бога, имеет Евангелие, читает его и распространяет православный журнал.

Этот комсомолец не одинок. Большинство, даже равнодушно относящихся к религии, чувствует, что национальная религия

звавшие создание феодальных королевств, поддерживались прежде всего "земельным дворянством" и "городами" (Маркс и Энгельс. "Немецкая идеология", 1934, стр. 15). Советская "История СССР" почтительно повторяя "классиков марксизма", формулирует причины объединения Руси так:

1) Экономическое развитие русских земель, выразившееся в появлении общественного разделения труда и товарного обращения, в силу чего усиливались экономические связи между отдельными городами и землями.

2) Классовая заинтересованность феодальных земельных собственников в создании сильной верховной власти, способной подавить сопротивление крестьян.

В других местах той же "Истории" несколько раз повторяется тот же основной мотив: города, центры национальной торговли и промышленности, выступают, как основная объединительная сила страны.

Я начну со второго пункта: с "классовой заинтересованности феодальных земельных собственников". Напомню: Боголюбский начал с разгрома этих "собственников", его преемники были втянуты в гражданскую войну, в которой победили противники "феодальных земельных собственников". Москва с самого начала стала ликвидировать всякие феодальные начинания. Грозный "феодалов" разгромил окончательно. В Смутное время победили "тяглые мужики", "последние люди государства Московского". Первые Романовы строят всесословное самоуправление и ликвидируют остатки феодальной бюрократии и потом, — после периода цариц, — первые законные русские цари снова берутся за прерванное Петром занятие — за постепенную, но окончательную ликвидацию уже не "феодальных земельных собственников", а просто земельного дворянства.

"Общественное разделение труда, товарное обращение" и "города" не имеют к объединению страны р о в н о н и к а к о г о отношения. Италия в годы "возвышения Москвы" была типичной "страной городов", имела неизмеримо более развитое "товарное обращение", имела вексельное право, и банки, и двойную "итальянскую бухгалтерию", и "общественное разделение труда" и все такое. И при всем этом — Италия с государственно-национальным объединением отстала от России лет почти на пятьсот, да и это объединение было организовано никак не королями, даже и не Гарибальди и прочими, а было организовано Наполеоном III, у которого на Италию были собственные виды.

То же относится и к Германии. Германия тоже была "страной городов" и имела "общественное разделение труда" — почему объединение Германии выросло не из старинных торговых центров, какими являлись Кельн или Нюренберг, — а из Берлина, которого в эпоху возвышения Москвы и вовсе не существовало? Почему торговые города Ганзы не только не создали никакого объединения, но противились этому объединению до самых последних дней — до Адольфа Гитлера, а некоторые даже и при нем ухитрились остаться "вольными городами". Почему, наконец, объединение Руси пошло не из Новгорода, например, который по всем экономическим показателям стоял неизмеримо выше Москвы, да и татарским разгромам не подвергался? Почему первая на севере объединительная попытка была сделана даже не из "старейших городов" — Ростова и Суздаля, а из Владимира, который был деревушкой и который был превращен в "город" только для того, чтобы Боголюбскому было куда сбежать от настоящих городов. Почему вторая — московская попытка, — была сделана и удалась — опять же не из старейших городов, и даже уже не из Владимира, а из захудалой усадьбы боярина Кучки? Уж если становиться на марксистскую точку зрения, то надо бы прежде всего объяснить, почему из Новгорода ничего объединительного не вышло.

Ключевский пишет (т. 2, стр. 103 и след.):

"Ни в каком другом краю древней Руси не встретим такого счастливого подбора условий, благоприятных для широкого развития политической жизни... Новгород рано освободился от дав-

предков это фундамент национальной жизни. А православие это, конечно, — национальная религия.

***

Углубленный подход должен быть также и к политической форме. Как пойдет история России после падения большевиков, мы не знаем. В ней может быть снова, как после Смуты 1613 года, по воле народа возникнет народная бессословная монархия, может быть возникнет республика. Но и монархия и республика смогут возникнуть только в том случае, если мыслящая часть России освободится от революционных мифов.

Живя представлениями не Пушкина, а Белинского, считавшего, что Россия состоит только из корпораций воров, взяточников и грабителей разного рода, никакого здорового национального государства создать нельзя, ни монархии, ни республики.

Даже, если бы революционные идеологи были правы и все наше национальное прошлое состояло из одних преступлений, то и то, желая спасти нацию, мы должны бы были взамен революционных мифов, создать свои национальные мифы, которые бы противоречили утверждениям Чаадаева, что Россия не имела нормального прошлого, не имеет настоящего и не будет иметь такого нормального будущего, как имеют другие страны. Простой инстинкт национального самосохранения заставил бы нас создать мифы о героическом прошлом нации. Но нам прибегать к этой спасительной лжи незачем. Мы имеем героическое прошлое и нам надо только взглянуть на него не глазами социальных утопистов и фанатиков, а глазами самых выдающихся деятелей русской культуры, мысли и взглядов, которые всегда замалчивала и искажала революционная критика.

Допустим, что наш народ захочет иметь республику. Это дело народа. За ошибочное решение он будет расплачиваться новыми бедами. Но я глубоко убежден, что создать республику народ сумеет только в том случае, когда он без предубеждения взглянет на монархический период его истории и поставит памятник своему последнему Царю — замечательному патриоту, злодейски убитому марксистами, помимо воли народа.

Памятник убитой Царской Семье будет свидетельствовать о нравственном возрождении русского народа. Об освобождении национального сознания от влияния революционных мифов о национальном прошлом. Только после этого акта, свидетельствующего об окончании подражательного "Петербургского" периода русской истории, начнется новый период истории России, которая найдет в себе силы построить или монархию или республику нового, чисто русского типа.

Хотя, откровенно говоря, создать республику русского особого типа, которая не была бы жалкой копией Европейских и Американских республик, будет неимоверно трудно. Копия Американских и Европейских республик не сможет привиться на чужой психологически русской почве.

***

Во всяком случае ,если республиканцы сумеют создать республиканский образ правления, свободный от пороков Европейских и Американских республик, являющихся только игрушкой в руках профессиональных политиканов и представителей финансового капитала, я буду первый помогать им. Я бы предпочитал монархию, но если ей не суждено быть, я буду верным сыном русской республики, созданной исходя из русских взглядов на власть.

Сделаю я это нисколько не противореча своим взглядам сторонника народной монархии. Потому, что иерархия ценностей у меня, как и у других народных монархистов иная, чем у приверженцев монархии в старом виде.

Первое место в иерархии ценностей у меня занимает национальная религия.

Второе — благо и интересы России, как созданного веками живого государственного организма, ее национальная ценность и независимость.

И только третье место — форма политического строя.

И если я буду решительным противником нового политического обезьянничания — создания республики на французский или американский манер, со всеми свойственными этим формам политическими недостатками, то я буду верным гражданином русской республики, созданной на основе самобытности и своеобразия политических задач, стоящих перед таким оригинальным явлением, какое представляет собою Россия. Содружество 160 народов и племен, создавших великую русскую культуру и создающих великую русскую нацию, в которой нет белых и цветных, нет людей второго и третьего сорта.

Только при таких трезвых политических взглядах, только при признании такой иерархии ценностей, мне кажется, может установиться, наконец, взаимное понимание и взаимная терпимость между сторонниками монархического и республиканского строя, не из числа правых и левых доктринеров, от которых ждать здравого смысла не приходится. Такая терпимость легче возникнет между людьми долгие годы мучавшихся в социалистической республике и освободившихся навсегда от всякого желания еще раз слепо копировать чуждые идеи и чуждые политические формы.

Борис Башилов.

"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА" Б. БАШИЛОВА.

эту и другие книги Б. Башилова можно выписывать от автора:

B. Bashiloff,
San Martín 344, Villa Ballester
F.C.N.G.B.M. — Argentina

Лидия Норд

РУССКИЙ ПУТЬ

Среди русской эмиграции есть немало людей, гадающих на кофейной гуще: "что представляет собою современный подсоветский человек, каково его мировоззрение и отношение к великому историческому прошлому России?"

Ответ на это дает роман Григория Мирошниченко — "Азов", изданный в 1949 г. Ленинградским Газетно - Журнальным и Книжным издательством.

Всем известно, как бессовестно обокрали большевики русский народ, утаив его великое историческое прошлое. История России переделывалась, фальсифицировалась на кремлевский лад. Большинство исторических документов, либо уничтожено, либо лежит под спудом и под семьюдесятью семью замками, в секретных архивах, ключи от которых в зубах верных сталинских Церберов — МВД и МГБ.

Молодые советские писатели, работая над историческими произведениями, должны довольствоваться скудными историческими данными, находящимися в оффициальном Историческом Музее. В остальном они должны "домыслить сами", руководствуясь, строго обязательными для каждого литератора и историка, "гениальными" указаниями "академика Сталина", что "историю нельзя писать по действиям королей и полководцев", ибо все до-сталинские походы, завоевания и присоединения "не историчны".

Но Г. Мирошниченко пошел не по сталинской, а по русской линии. Упорно, по крохам собирал он точные, скрытые властью данные о прошлом России. Продумал, прочувствовал их, как истинно русский и правдиво показал всему подсоветскому народу, эпоху воцарения Михаила Романова.

Я считаю, что лучшую характеристику творчества Г. Мирошниченко дает, натравленный партией на талантливого русского писателя, — советский кандидат исторических наук Б. Дацюк в своей статье о "Азове", помещенной в журнале "Новый Мир" (май 1950 г.).

Дацюк обрушивается на автора за то, что: "Мирошниченко сосредоточил слишком много внимания на личности и поступках царя Михаила Романова, его близких и окружения"...

..."Известно, — продолжает критик, — что марксизм-ленинизм решительно разбивает все буржуазные науки о "народных" царях. А Г. Мирошниченко изо всех сил старается приписать дворянскому ставленнику Михаилу Романову черты именно такого всенародного избранника: "Тебя вся Русь ставила". Или "Царь-то добро, а вон бояре-то худо!" Даже царскую свадьбу Г. Мирошниченко изображает, как радостное всенародное торжество. Поступки самого царя, а также выведенной в романе царицы Марфы, подчинены все той же насквозь лживой идее народности царизма. Тут автор просто теряет лицо советского писателя! Царица Марфа изображена в романе чуть ли не последовательницей, поборницей интересов народа. Сам автор, любовно именуя Марфу "государынею-матушкой", заставляет ее поучать сына: "Чернь кормит нас! Знай это. Боярам дай боярское, а черни царское"...

Не только образы царя Михаила и царицы Марфы неугодны Советам, но их всполошили и те страницы, где автор описывает сытую жизнь простых русских людей, и их вольные гулянки в эпоху "проклятого царизма".

"А вот, — сердится Дацюк, — как выглядит в восторженном изображении Г. Мирошниченко стол живущей на посаде швеи-мастерицы семнадцатого века. На столе дымились в мисках гусятина, поросятина, молодые цыплята. Румяные да горячие пироги плетенками, крест на крест. Сдобные хлеба лежали на медных подносах. В двух глиняных кувшинах был резкий холодный квас"...

Наверно при чтении этих строк из "Азова" не только у изголодавшихся подсоветских людей, но и у самого Дацюка, потекли слюни и он набрасывается на Г. Мирошниченко с еще большей, прямо голодной яростью:

..."Понятно, при таком подходе к истории у автора не нашлось места в романе для выражения в образах классов и классовой борьбы. Г. Мирошниченко называет, на равных началах с подлинными патриотами Мининым и Пожарским, и таких своекорыстных боярско - дворянских деятелей семнадцатого века, как Ляпунов, Авраамий Палицын и Гермоген. Возвеличение Гермогена связано у Мирошниченко с непомерно большим местом, которое он отводит религиозным и церковным делам"...

Цитировать дальше статью Дацюка нет смысла. Там идут штампованные поучения автору. Но в конце есть кое-что весьма инте-

1-го сентября с. г.
прекращается
предварительная подписка
на выходящую в начале сентября книгу
Бориса Ширяева (А. Алымова)

Ди Пи в Италии

ЗАПИСКИ ПРОДАВЦА КУКОЛ

Цена по предварительной подписке — Ам. долл. 2.50. В Аргентине — песо 30.—

Подписка и стоимость книги принимается Издательством "НАША СТРАНА" и всеми представителями "НАШЕЙ СТРАНЫ" на местах. ТИРАЖ ОГРАНИЧЕН. Не упустите случая приобрести эту замечательную книгу.

Василий Ржевский

АВОСЬКА КОРЯКОВ

В газете "Новое Русское Слово" от 13 июля 1952 г. появилась статья М. Корякова под названием "Политические эскимосы". Это тот самый Коряков, который, по приезде в Нью-Иорк, в первом же своем выступлении, устроенном ему левыми группировками русской эмиграции, охарактеризовал русский народ с одной стороны как "хапуг, рвачей и ловчил", а с другой — как "кроликов с прижатыми ушами". Так не-эскимос Коряков, называющий себя русским, да еще и православным, отрекомендовал перед американцами свой народ.

Сложнейшая проблема решения русского вопроса в концепции Корякова вылилась в очень простую и несложную форму: Господа американцы и прочие демократы, — объясняет и подсказывает Коряков, — зачем Вам ломать голову над русским вопросом? Хапуг, ловчил и рвачей Вы всегда можете купить долларом, а заламывающих слишком большую цену припугнуть репатриацией. С кроликами же с прижатыми ушами расправиться еще легче. Ведь еще один из персонажей Гоголя сказал, что если зайца долго бить, то его можно научить зажигать спички. Известный агроном Гитлер уверял, что славянские народы это прекрасный навоз для западно-европейской культуры. Если применить к этим кроликам всем известные колонизаторские способ ности просвещенных мореплавателей культурных англичан, то часть их можно направить в Харвардский и другие университеты для вивисекции, (цена уже установлена—20 марок для Германии, 5 долларов для США), часть на консервные фабрики. Ведь Гитлер из трупов евреев делал мыло. Остальную часть распылить по всему земному шару, что бы они не путались под ногами торжественного шествия западной культуры, захватив конечно, и эскимосов, чтобы они не мешали Корякову вдыхать озон западных проповедников.

О людях, которые изрекают гениальные мысли или предлагают миру гениальные идеи уже современники стараются собрать как можно больше биографического материала, чтобы фигура этого человека стала во всем ее величии и человечество узнало, "как он дошел до жизни такой".

Мы не были знакомы с г. Коряковым в его детские и юношеские годы, но, очевидно, он прошел комсомол, побывал в ВУЗ-е и, как подающий надежды молодой человек, был выставлен кандидатом в коммунистическую партию. Был ли он коммунистом, нам неизвестно. Да это и не важно. Мало ли, что с человеком в Советском Союзе может приключиться. Знаем только, что он был советским публицистом и, очевидно, с советской точки зрения проверенным, и не плохим публицистом. Непроверенных и дураков Советы заграницу не посылают.

Так вот. В то время, когда хапуги, рвачи и ловчилы с одной стороны ,а в особенности кролики с прижатыми ушами — с другой — стояли с пустыми "авось ками" в очередях за кусочком хлеба, и пухли и умирали от голода, гуманист Коряков восседал в мягком кресле в одной из советских редакций и получал все ему необходимое из закрытого распределителя. Когда хапуги, рвачи и ловкачи, с одной стороны, и в особенности кролики с прижатыми ушами — с другой, десятками тысяч отправлялись на постройку каналов, добычу золота или сидели и вымирали в концлагерях, человек западной культуры Коряков был хорошо одет, сидел в теплой квартире и хорошо кушал. Когда началась война (ужасная для русского народа война), хапуги, рвачи и ловкачи с одной стороны и в особенности кролики с прижатыми ушами — с другой, были посланы на фронт. По довольно неполной статистике, русских людей погибло около 27 миллионов.

Мы боимся, что альтруист Коряков, сидя в редакционном кабинете, не услышал стонов умирающих кроликов. Не измерил количество слез матерей, жен и детей их. Не объял духовным взором бездну горя и страданий, снова разверзшуюся перед моим народом. Я думаю, что Вы, г. Коряков, не обижаетесь, что я пишу "моим народом". Я Вас, как культурного профессора Фордамского университета выделяю: Что Вам связываться с хапугами, эскимосами и кроликами?

Когда культурные немцы, немцы Канта, Гегеля, Гете, Вагнера и проч. (озону-то сколько, г. Коряков!), начали систематически уничтожать поверивших им кроликов, то эти самые хапуги, эскимосы и кролики вдруг проявили такой патриотизм, такую храбрость, такое геройство, что весь мир застыл от удивления. Сможете ли Вы, г. Коряков, привести из истории еще один такой пример? И понимаете ли Вы многогранное величие этого народа?

Кролики, г. Коряков? Может быть, г. Коряков откинет ложный стыд и расскажет нам, как геройски вел он себя в это время? Когда хапуги и кролики десятками тысяч умирали за проволокой в плену, остовских лагерях и в застенке ГПУ, как использовал свой талант г. Коряков в их защиту, или он их тоже считал, как Сталинская клика и некоторые заграничные, называющие себя русскими, группировки, — за предателей своей Родины, гитлеровских наймитов и т. п.

Когда кончилась война и за этими кроликами начали охотиться советские ищейки при прямом содействии и помощи демократических и социалистических (Лиенц) правительств, возвысил ли свой голос г. Коряков в их защиту? Или он ограничился вдыханием озона от О. Жозефа Лебре?

Вот все эти пробелы в Вашей будущей биографии нам бы очень хотелось дополнить и разъяснить. Я, г. Коряков, — монархист, старый эмигрант, а, значит, по трактовке и трафарету Ваших новых друзей: ретроград, реакционер, фашист, антисемит и т. д. и т. д. И куда уже мне тягаться с духовным багажем г. Корякова. И вот я ежечасно, ежеминутно ощущаю и переживаю великое страдание **в полном одиночестве** моего Великого и Прекрасного народа. Я становлюсь на колени и земно кланяюсь этим страстотерпцам хапугам и кроликам. И хочется мне крикнуть Вам: "Православный христианин Коряков! Склоните голову и станьте на колени рядом со мной. Перестаньте кощунствовать!"

После долгого молчания Вы снова заговорили. И как в первом Вашем выступлении, так и в эскимосском, Вы постарались оправдать русскую поговорку: "тридцать лет молчал — первое слово "мамка дура" сказал".

Впервый раз обругали оптом свою Мать Родину, а во второй — своих кровных братьев, новую эмиграцию. Очень характерно, как Вы начинаете Вашу деятельность по оплеванию новой эмиграции. Повторяю в сокращенном виде:

"Субботняя танцулька в разгаре... В дверях толкались подвыпившие молодые люди — потные, взлохмаченные, с растегнутыми воротниками. На столах валялись остатки еды. Стояли бутылки с обнажившимися донышками. Распорядитель представил нас полупьяной какой-то компании. Напротив нас сидел парень, лет тридцати. Отвалившись на спинку стула, он посмотрел на меня в упор: "Так это Вы и есть Коряков. Ну, ну... Вернемся в Россию — Вам еще припухать придется".

Итак, на русских вечерах, по Корякову — танцульках, царит атмосфера кабака низшего пошиба. Все пьяны, толкаются, взлохмаченные физиономии, валяется на столах еда ,стоят опорожненные бутылки. Советского аристократа Корякова все это очень шокирует. А тут еще этот молодец уверяет, что ему, профессору Корякову, в России припухать придется. Эх! Если б это было в Москве! Показал бы Коряков этому кролику Кузькину мать!

Я постоянно бываю на этих вечерах. Меня специально интересует русская молодежь — и новая и старая. Я сам был студентом и не раз участвовал в студенческих пирушках. Я сам распевал: "по рюмочке, по рюмочке. Тирли бом-бом, тирли бом-бом", и "от зари до зари, лишь блеснут фонари, вереницей студенты шатаются". До сих пор с теплой грустью вспоминают студенческие годы и теперешние профессора и доктора, инженеры и судьи. Иногда молодежь перебарщивала, иногда были неприятные инциденты, но в своей массе это была законно и естественно бурлящая молодость. Это была прекрасная русская молодежь, отзывчивая на все доброе, алчущая и жаждущая. Как полагается, ворчали немного старики, что "в наше время было не так", и тут же с увлечением рассказывали о своих проделках. Но никто не писал так злобно и пошловато-гаденько о молодежи, как Вы в своей статейке. Я боюсь, что если б в то время появилась такая статейка, как Ваша, о молодежи, то очень возможно, что автору ее, по образному и меткому выражению молодого человека, пришлось бы "припухать".

"Так как я по преимуществу дышу русским озоном и заграничной карьеры не собираюсь делать, то я могу сообщить Вам свои наблюдения о русской молодежи и в лагерях Германии и Австрии, и здесь — в Нью-Иорке. Там, в Европе, я видел их прилежно учащимися в лагерных гимназиях, многие из них были уже в чине лейтенанта. Я видел их поступающими в высшие учебные заведения, я видел их на лекциях и докладах ,в кружках молодежи, молящихся в церкви. Но они и танцевали и занимались разными видами спорта и выпивали.

Я видел эти открытые русские лица. Я видел их нутряной не на-

---

ресное. Оказывается этот заклейменный им, как "неправдоподобный, идейно чуждый" роман был встречен (о скандал! Л. Н.) литературной критикой с восторгом.

..."К сожалению, — констатирует Дацюк, — большинство рецензентов — В. Василевский в "Литературной Газете", Н. Челноков — в "Известиях" Кандидат исторических наук А. Фадеев (однофамилец известного писателя Фадеева) в ростовском "Молоте", вместо глубокого разбора книги, ее недостатков—дружным хором возносят восторженную хвалу Г. Мирошниченко. По мнению этих рецензентов — единственный недостаток романа заключается в том, что автор слишком часто приводит выдержки из архивных документов"...

Вот тут-то и ясно мировоззрение большинства подсоветских людей. Тридцать пять лет Советы вбивают им в голову свою пропаганду. И не вбили... Вышедший из крестьянской среды, молодой писатель Григорий Мирошниченко, литературные критики В. Василевский, Н. Челноков, кандидат исторических наук (сын рабочего) — А. Фадеев, как и миллионы других подсоветских людей, остались русскими душой.

Вышедшие из глубинных недр народа, они связаны с Россией крепкими корнями. Их любовь к России не заключается в символических "русских березках". В условиях советского террора, они с предельным мужеством срывают с Великой Руси грязное покрывало лжи, наброшенное на нашу Родину ее врагами.

Лидия Норд.

думанный патриотизм и любовь к своей родине и думал: "Ныне отпущаеши раба Твоего с миром". Не исковеркали их коммунисты, не придавили гитлеровцы и не осядут грязным пятном на их души плевки господ Коряковых.

О дальнейших писаниях Корякова я скажу кратко. Я пройду мимо выпада Корякова о научной квалификации новой эмиграции: профессор такой-то, доцент такой-то. Это опять пахнет маленьким доносом: Не доверяйте интеллигенции новой эмиграции.

Я не знаю, какой университет кончил г. Коряков. Я не знаю, где он защищал дисертацию по истории русской литературы. Мне не приходилось читать научных трудов Корякова в этой области и ,однако, он читает лекции по истории русской литературы в Фордамском Университете. И невольно на ум приходит: "а этот как сюда пробрался — За хвостик тетушки держался?" Озон от этого хвостика идет определенно социалистический.

Коряков познакомил нас, невежд, со взаимоотношениями католичества и православия. Сообщил нам новость, что среди католического духовенства есть люди высокой духовной культуры, от которых он надышался озоном, но как-то забыл упомянуть, что среди православного духовенства были и есть люди исключительной духовной ценности и мы не слыхали, что бы г. Коряков пытался подышать и православным озоном. Коряков много говорит о западной культуре и можно подумать, что он не знает, что вся мировая культура переживает невероятный и опасный кризис. В мире сейчас нет культуры. Есть только отдельные островки былой культуры и отдельные культурные личности. Не в России... там все понятно, все объяснимо, а здесь, на Западе мы видим ползающих перед коммунизмом "культурных" профессоров, высших иерархов разных церквей, генералов, крупных общественных деятелей и т. д. Необдуманно Вы, г. Коряков (Вам еще много надо продумать, г. Коряков. Пока—Вы еще культурный недоумок), задели хороший самобытный народ эскимосов. Насколько же они духовно выше и ценней указанных выше профессоров и иерархов.

Вы не понимаете, когда Жигулевы, Башиловы, может быть, иногда и в резкой форме, пишут о некультурных явлениях в западном мире. Вам не понять крика их души. Они болезненно переживают уродства современной жизни. Они, вырвавшись "оттуда", всеми фибрами души чувствуют и знают, что так, как это делают сейчас сильные мира сего, победить "зверя из бездны" нельзя. Для Вас, г. Коряков, конечно, это парадокс. Но это мы, монархисты, сейчас революционеры по отношению к мировому большевизму. Мы не ищем с ним ни открытого, ни скрытого компромисса. В наших интересах моральное оздоровление всего человечества. В наших интересах чтобы западные демократии стали сильными ,но не атомными бомбами, а духовно. Мы не собираемся переделывать их политический строй. Но мы здесь не гости и не приживальщики. Мы — русская политическая эмиграция, которая кровно заинтересована в духовном оздоровлении западной демократии. Мы пресытились социалистическим раем, торговлей с людоедами, славянским навозом, репатриациями, лагерями и прочими достижениями современной культуры.

Вам же, г. Коряков, я посоветую: отойдите в сторону от русских и русского дела. Дышите себе озоном. В Россию, к хапугам, эскимосам и кроликам, Вы, конечно, не поедете, так что и припухать Вам не придется. А мы уж как-нибудь и без Вас обойдемся.

Василий Ржевский.

Примечание. Почему я назвал Вас "Авоськой"? Не поленитесь прочитать мою статью в "Нашей Стране" № 123 от 24 мая 1952 г. — "Авоськи".

В. Р.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть II — Дух Народа.
вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.
Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Фонд Издательства "Нашей Страны" поступили следующие суммы:

от Т. И. Глива — $ 5; собранные по подписному листу г. Заустинским — 3.400 фр. фр.; от г. Коняева — 200 фр. фр.

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Китаец не отвечал ничего и видимо ничего еще ответить не мог. Степка поспешил с разъяснениями.

—Это тот китаец, который проводником у этого генерала был.

—Буланина? — переспросил Еремей Павлович.

—А вы откуда знаете?

—Знаю, — торжественно заявил Еремей Павлович. — А откуда — не твое дело.

—Двое их было — проводников, — продолжал Степка, — одного генерал пристрелил, другой — вот этот, успел смыться. Я — тоже. Там вот, отец Петр остался. И пограничники пришли. Много. Десятка полтора. Я на заимку торопился — что я один с ними сделаю?...

Еремей Павлович свистнул. Из чащи, из распадка, вылез Федя с винтовкой в руке и одобрительным взглядом осмотрел место происшествия.

—Как будто потасовкой пахло?

Китаец отлепил одну руку от земли и пощупал свою грудь, как бы желая убедиться, все ли кости целы. Почти рядом с Федей появился еще один заимщик, а за ним вынырнул Валерий Михайлович, с менее одобрительным выражением лица, чем у Фели. Он молча осмотрел Еремея Павловича, Степку, Федю и Китайца.

—Столкновение произошло,— пояснил Еремей Павлович. —А из-за чего — неизвестно.

Степка от слабости снова усевшись на землю, судорожно пытался в нескольких словах объяснить всю ту путаницу, которая с ним и с отцом Петром произошла за последние часа два. Объяснение получилось еще более путаное, тем более, что, сидя на земле, Степка не мог жестикулировать с достаточной наглядностью.

—Там — пограничники, человек пятнадцать, а этот чуть меня не задавил. И отец Петр тоже там. Генерал какой-то. Хотел отцу Петру глаза выжечь — головней, разве это виданое дело? А я сбежал, и тут вот этот китаец, мне только ногой в бок попало. В горле совсем пересохши. На разведку еще ходил, а там медведь, чуть не задрал, совсем из сил выбимшись, а если глотнуть, так и вовсе нечего, пересохши...

—Ну, и везет же тебе, курилка, — ласково сказал Еремей Павлович, —ты и в воде не тонешь, и в огне не горишь, хороший ты, брат, парень, хотя и жулик.

—Вот все говорят — жулик, и отец Петр тоже, а я, спрашивается, кого я обжулил?

—Ничего, Степушка, вот тебе на засуху в твоем горле, а сейчас придет Федот Федотыч, так он нам все доложит.

—Какой такой Федотыч?— спросил Степка, без всякого видимого интереса — его интерес был прикован к фляжке, которую Еремей Павлович отстегивал от своего мешка.

—Федотыч? Это наш самый главный разведчик, все насквозь видит, мы его вперед послали, — Еремей Павлович отстегнул, наконец, фляжку, на которую Степка смотрел необузданно-жадными глазами. На тебе кружку, а больше — ни-ни. Вернемся на заимку — там пей, чорт с тобой.

—А когда мы вернемся?— спросил Степка, протягивая руку к кружке.

Валерий Михайлович стоял молча, опираясь на винтовку. Огромный китаец все еще сидел на земле. Ощупав рукой свои кости и удостоверившись, что они все целы, китаец сказал:

—Сильный мужик.

В его тоне было что-то вроде профессиональной гордости.

—Так чего ты, спрашивается, лез?— спросил Еремей Павлович, оборачиваясь к нему.

В тоне Еремея Павловича тоже не было никакой враждебности. Китаец пожал плечами и неопределенно ответил:

—Тайга, разве я знаю?...

—А парень, действительно, здоровый, — сказал Еремей Павлович, обращаясь к Валерию Михайловичу, — только вот — кто он такой?

Степка хотел что-то объяснить, но его губы были заняты кружкой. На тропинку быстрыми, по звериному эластичными шагами вышел мужиченко, во внешности которого не было ничего примечательного: среднего роста, чрезвычайно сухощавый и жилистый, одетый и вооруженный, как и остальные заимщики, он, может быть, мог заинтересовать наблюдателя только своим взглядом — в одно и то же время и бегающим и внимательным, как будто этот взгляд хотел сразу осмотреть все и все осмотреть до мельчайших подробностей.

—Ну что, Федотыч? —спросил Еремей Павлович.

—Уходят, так, через полчаса. Четырнадцать пограничников, командир — в чине майора. Какой-то штатский, не сибиряк, не наш, рассейский, бывший военный, ходить не привык, рожа разбита. Отец Петр там же. Тут не понять: то ли его забирают, то ли он сам с ними. Кажется сам. А тебя я, Дылда, знаю, — обратился он к огромному китайцу.

Китаец не ответил ничего. Валерий Михайлович вопросительно посмотрел на Федотыча.

—Этого я знаю, — подтвердил тот. —Занимается контрабандой — от Советов. Таскает к китайским коммунистам шкурки, деньги и бумаги.

—Не к коммунистам, — сказал огромный китаец. —А ты откуда меня знаешь?

—Слухом тайга полнится. А тебя уж спрятать — трудновато. Звать тебя Чжо-Мин. Что, не правду я говорю?

—Правду. Только не к коммунистам — к китайцам.

—Ну, к китайским коммунистам. У Советов на службе состоит,—сказал Федотыч, обращаясь к Валерию Михайловичу.

—Это тоже неправда, — сказал Чжо-Мин.

—То-есть,—как это неправда?

—Не у советов, у русских.

—Пустое ты брешешь, Дылда.

—Не пустое. Для русский человек китайский человек — че-

Желаю купить
РУССКИЕ ЗАГЛАВНЫЕ ШРИФТЫ
(20 - 28 - 36 - 48 пунктов)
Обращаться:
ул. Доррего 1102, Буэнос Айрес или по телефону — 54 - 4644.

JUAN SOLONEWITSCH

TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

Dos tendencias — Incidentes — Exploración psicológica — Principio de la guerra — Primeros días — Improvisación — En la mitad de la guerra — Fin de la guerra.

Pero a esta altura de los acontecimientos, el frente ya llegaba hasta las líneas de Smolensko. El pueblo con sus propios ojos pudo ver al Ejército Ruso (aliado) y a los dirigentes rusos quienes empezaban ya a organizar distintas direcciones y departamentos de la vida pública. El Ejército Rojo retrocedía, pero retrocedía luchando. La cantidad de combatientes que se entregaban cada día era menor. Esto era el resultado de las pavadas políticas publicadas a su tiempo por "Collier's". El desembarco aliado en Crimea se encontró con una resistencia fuerte y apenas pudo sostenerse, gracias a la ayuda de la marina. El Congreso Americano, por iniciativa del presidente Truman dirigió a Rusia una declaración con la solemne promesa de que no intervendrá en los asuntos internos del país, salvo una sola exclusión: que la Organización de las Naciones Unidas se comprometa a garantizar la libertad de sufragio en el problema de la futura forma de gobierno.

Así prosiguió la guerra ideológica en el aire y en la tierra. Ella definía los destinos de los ejércitos, naciones y de la humanidad. Para completar la declaración del Gobierno N. Americano la emigración política rusa declaró que ellos confirmaban bajo su palabra, que los EE. UU. efectivamente no tenían fines de ocupación, y que la opinión de "Collier's" y parecidos, es simplemente una especulación de las sensaciones, que ya existía el Ejército Libertador Ruso casi de seis millones de combatientes, y que este Ejército será el garante de la independencia de Rusia. Esta declaración fué firmada por los representantes de la Dinastía y por los socialistas. También figuraban las firmas de las autoridades eclesiásticas y de las personas conocidas en Rusia sólo por su nombre: Prof. Ipatieff, prof. Chichibain, avionconstructor Sikorsky, hija de León Tolstoy — Condesa A. Tolstoy, escritor I. Bunin y otros. La radio soviética declaró todo esto como cosa falsa.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
книга Проф. М. В. Зызыкина

ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Цена 4 ам. долл.

Заказы адресовать:
Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina
или Представителям "Нашей Страны" на местах.

РОЗЫСКИ

Разыскивается Владислав НАСЕННИК, рожд. 1926 г., шофер. Сообщить отцу:
G. Nasennik
1008 E. Adams Str.
Syracuse, N. Y., U. S. A.

Разыскиваю Николая Федоровича СУЛАЦКОГО. Сведения о нем прошу сообщить в редакцию "НАШЕЙ СТРАНЫ".

Игоря ВАСИЛЬКОВСКОГО (артистический псевдоним ИНЬОР НЕВАДИ) разыскивает мать. Сведения о нем просят направлять по адресу:
Lidia Supkowa
99, Ritheroon Road
London S. W. 17, England

Капитан КОРОЛЬКОВ разыскивает своего сослуживца князя МЕЩЕРСКОГО и его супругу Эмму Петровну (сестру милосердия). Сведения о них просят направлять в редакцию "НАШЕЙ СТРАНЫ".

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА "НАШУ СТРАНУ"

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:
Paraguay: Tijonovich, Calle Oliva 227, Asunción.
Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:
Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.
Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA
Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117 str., Edmonton, Alta.

EUROPE:
Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.
Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s|Seine, Seine.
Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:
Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:
Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.
Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.
Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.
Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts, 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 уругв. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 шилл. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

"НАША СТРАНА"
в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвеар.

ловек. Для английский человек китайский человек — не человек.

—Гм, — сказал Валерий Михайлович, — так что ты действуешь для освобождения Китая?

—Китайский человек хочет жить сам по себе.

—Действуй, действуй, — сказал Валерий Михайлович, — а вот, как приедут к вам Медведевы и Берманы, так ты и об англичанах пожалеешь.

Китаец пожал своими огромными плечами и не ответил ничего. Один из заимщиков вытащил из чащи на тропу огромный спинной мешок.

—А это, видимо, евонный багаж — тут в кустах лежал.

—Мой, — подтвердил китаец.

—Просмотрите, — сказал Валерий Михайлович.

—Смотреть не надо, — сказал китаец, — сам покажу.

Он попытался встать на ноги, но, шатаясь, снова опустился на землю.

—Очень сильный мужик, — сказал он, — м е н я чуть не убил.

—А ты чего лез? — еще раз спросил Еремей Павлович.

—Так я же все рассказывал,— вмешался Степка, который уже вылакал свою кружку, мог свободно стоять на ногах и еще свободнее размахивать руками, — так я же все рассказал. У него, у этого китайца, еще товарищ был, тот генерал его пристрелил и отцу Петру глаза выжечь хотел. И сойота убил, сойот с нами был, то есть с отцом Петром и мной. А почему? Деньги у отца Петра нашел, не знаю какие, иностранные, заграничные, что ли. Сволочь! Такую сволочь повесить мало.

—Нужно повесить, — мрачно сказал китаец. —Сойота убил, моего товарища убил. Меня убить хотел, а кто он — не знаю.

—Я знаю, кто, — сказал Валерий Михайлович. — Но ты все-таки, Степка, раскажи толком.

—Так разве-ж я без толку! Когда у человека в горле пересохши.

—Ты свое горло пока что брось — вот вернемся на заимку...

—На заимку! — разочарованным тоном сказал Степка. —На заимку — вот уже целый месяц никак не можем дойти...

—Ну, положим, не месяц.

—А если и не месяц, так что же так и жить пересохши?

—Ты раньше расскажи, как было дело.

—Так я же и рассказываю — пошли мы с отцом Петром на заимку. И проводник был, — сойот какой-то. Видим — следы, Отец Петр и говорит, а как бы сзади не было еще кого. Следы-то были этих трех — генерала и двух китайцев. Ну, пошел я назад, на тропу, напрямки, засел у тропы, а тут медведь.

—Какой медведь?

—Обыкновенный. Медведь. Я это в яме притулился, а он тут, а по тропе пограничники. Я ему — пошел ты к чертовой матери! А он на меня — рр-р-р. Так мне ни туды, ни сюды. То ли пограничники застрелят, то ли медведь задерет. А ты, Еремей Павлович, говоришь, — подожди до заимки. Хоть бы ты мне с полкружки налил. А уж на заимке дашь мне на полкружки меньше.

—А я тебе, как ты медведю: пошел ты к чертовой матери! Ни глотка больше не дам. Мели дальше.

—Вот видите, Валерий Михайлович, — жалобно обратился Степка к Светлову. —Тут мне и грудь прострелили, и медведь меня чуть не задрал. И, вот тут на меня эта образина напала... А ему и полкружки жалко, чужой, де, человек, ни отца, ни матери...

—Тьфу, — плюнул Еремей, — а кто тебя на шее таскал? А?

—Что — на шее, ежели в горле пересохши, вот тоже, если все рассказывать, так совсем без голоса останусь.

—Ну, хорошо, Степка, — сжалившись засмеялся Валерий Михайлович, — получишь и до заимки, — но только не сейчас, вот сейчас ты уже до папы и мамы договорился. На обратном пути — получишь. А теперь — ни капли.

—А что, — разве не правда, что можно сказать, один как перст. А когда это обратный путь?

—Думаю, — скоро.

—И где вы этого забулдыгу подцепили?— спросил Федотыч.

(Продолжение следует).

На складе у всех представителей "НАШЕЙ СТРАНЫ"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
"ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ"
Цена 2 ам. доллара

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires